

Мо Цзыфэн подружился со второй ветвью семьи исключительно потому, что когда-то, когда ему отрубили руки и он оказался на улице, Мо Цзыхэн из второй ветви дал ему немного еды. Как говорится, «украсить цветами парчу — дело пустяковое, а вот подать уголь в зимнюю стужу — это правда запоминается». Говорят, что кровь гуще воды, но тогда он понял, что не только родные по крови могут быть ближе.

— Картины старшего брата по-прежнему великолепны, будь то бегонии или что-то еще, — Мо Цзыхэн не был большим ценителем живописи, но почему-то всегда чувствовал, что картины Мо Цзыфэна особенные, необычайно красивые.

Великолепны они или нет, Мо Цзыфэн не знал. Он знал только, что некто обожает его картины и готов даже украсть их. Вспомнив того человека... Мо Цзыфэн замер. Кисть остановилась. Мысли снова всколыхнулись, но он не хотел снова видеть того, кто принес ему столько лишних проблем. Всё было так сложно и запутано...

— Старший брат... старший брат... — Мо Цзыхэн заметил, что спокойно рисующий Мо Цзыфэн вдруг замер и явно задумался. Он похлопал его по плечу, и тот пришел в себя. — О чем ты задумался, старший брат?

— Ни о чем. Тебе нравится эта картина? Если нравится — бери, — боясь, что Мо Цзыхэн заметит его неловкость, Мо Цзыфэн быстро сменил тему.

Мо Цзыхэн не хотел брать подарок, так как мало понимал в живописи, но не хотел обидеть старшего брата отказом, поэтому согласился. К тому же картины Мо Цзыфэна действительно были красивыми и отлично смотрелись в комнате. Мо Цзыхэн считал, что Мо Цзыфэн совсем не такой сложный человек, каким кажется. Наоборот, он вполне неплох, хоть и немного холодноват. О случае с Мо Дуном он тоже слышал и считал наказание слишком мягким. Впрочем, понятно: вся семья Мо знает, как госпожа Ли любит младшего сына, так что наказание в виде переписывания правил — уже неплохо.

Задумавшись об этом, Мо Цзыхэн начал беспокоиться о здоровье Мо Цзыфэна.

— Старший брат, тебе не нужно отдохнуть? — Помнил он хорошо, как Мо Цзыфэн падал в обморок. Рисование — тоже труд тяжелый, он рисовал уже давно, пора и отдохнуть.

Мо Цзыфэн хотел сказать, что не нужно, но как раз в этот момент во дворе раздался голос Мо Цзыюя. Не желая показаться сильным, Мо Цзыфэн тут же сел, изображая сильную усталость, будто его мог сдуть даже легкий ветерок.

— Кхе-кхе...

— Старший брат... — Мо Цзыюй радостно пришел навестить брата, но не ожидал, что в комнате будет еще кто-то. Этим кем-то оказался Мо Цзыхэн.

Хотя он слышал, что старший брат в последнее время сблизился со второй ветвью, в сердце Мо Цзыюя его собственный брат был важнее любого чужака. Поэтому, увидев Мо Цзыхэна, он не стал скрывать своего пренебрежения.

Мо Цзыхэн не стал с ним связываться. По возрасту он был старше, да и по званию Мо Цзыюй должен был называть его вторым братом. Но Мо Цзыхэну это было не нужно. Он отлично знал, какой человек Мо Цзыюй, и пока у него не будет силы его победить, он не будет ссориться. Поэтому с приходом Мо Цзыюя Мо Цзыхэн замолчал, став фоном.

Мо Цзыфэн словно не заметил Мо Цзыюя. Он посмотрел на Мо Цзыхэна и мягко сказал:

— Цзыхэн, я немного устал, обсудим это в другой раз, — сказав это, он опять закашлялся, выглядел при этом крайне слабым.

Видя, что Мо Цзыфэн его игнорирует, Мо Цзыюй явно расстроился, но на лице старательно изображал послушание и беспокойство о здоровье брата:

— Старший брат... Ты еще не поправился?

Мо Цзыфэн не собирался отвечать Мо Цзыюю, но вспомнив все прошлые страдания, не мог сохранить спокойствие. Он намеренно сказал:

— Это стоит поблагодарить твоего хорошего слугу, кхе-кхе.

От таких слов Мо Цзыюй мгновенно покраснел. Он не думал, что старший брат всё еще в обиде. Ведь отец уже наказал его переписыванием правил, а тот Мо Дун до сих пор лежит пластом. Разве этого не достаточно? Почему старший брат всё еще злится?

Мо Цзыюй перевел взгляд на Мо Цзыхэна, и вдруг мысль пронзила его: точно, этот человек что-то наговорил брату, из-за чего тот стал отдаляться! Именно так! От этой мысли взгляд Мо Цзыюя на Мо Цзыхэна стал всё более недоброжелательным, и тот казался ему всё более мешающим.

— Брат, это я плохо воспитал слугу, в следующий раз такого не будет, — Мо Цзыюй смотрел на Мо Цзыфэна большими обиженными глазами. Старший брат всегда был мягкосердечным, стоит немного подлизаться — и всё простится.

Однако Мо Цзыюй не знал, что нынешний Мо Цзыфэн — не прежний. Он отлично знал все мелкие уловки брата. Раньше он бы махнул рукой, но сейчас... кроме холодной усмешки, он ничего не чувствовал.

— В следующий раз? Ты хочешь убить своего родного брата?

Не успел Мо Цзыюй ничего сказать, как Мо Цзыфэн снова «обессилел» и закашлялся. Сидевший рядом Мо Цзыхэн, увидев, что брат снова взволнован и вот-вот упадет в обморок, быстро подошел и поддержал его.

— Старший брат нездоров, лучше ему отдохнуть.

Мо Цзыюй всё рассчитал: подойдет, подлизается, поговорит с братом, и никаких недоразумений не останется, брат перестанет быть холодным. Но не думал, что еще ничего не сказал, а брат уже накинулся. Шанса помириться не оставил, да еще и падать собрался. Если продолжать упираться и дойдет до отца, виноватым снова будет он.

Мо Цзыюй осторожно наблюдал за старшим братом, но тот был как вечный ледяник, ничего не разобрать. В любом случае, извиниться — ошибка не будет, поэтому Мо Цзыюй тихо сказал:

— Это всё вина младшего брата, не сердись, старший брат.

Мо Цзыфэн не хотел тратить время на злость, он просто не хотел видеть Мо Цзыюя. Поэтому под руку Мо Цзыхэна он ушел во внутреннюю комнату отдыхать, даже не взглянув на Мо Цзыюя.

Когда Мо Цзыфэн ушел, послушание Мо Цзыюя слетело, и в глазах свирепость. Точно этот Мо Цзыхэн наговорил брату чего-то, иначе почему брат, всегда такой добрый, стал так относиться ко мне? Хм, всего лишь из второй ветви, я с ним разберусь!

Брата не успокоил, поход зря, теперь все ушли, оставаться одному скучно, и Мо Цзыюй не собирался здесь задерживаться. Перед уходом он увидел на столе свеженаписанную картину с бегониями брата. Глаза загорелись! Картины брата раньше в Императорском городе хорошо шли, теперь в городе Линь тоже должны пойти. Оглянувшись и убедившись, что никого нет, Мо Цзыюй тихонько унес картину.

Он не знал, что это движение попало в поле зрения Мо Ли. Мо Ли был небольшого роста и все время молчал, так что все трое его игнорировали. Он очень хотел накричать на второго молодого господина, но знал, что это навредит старшему молодому господину, поэтому терпел. Когда старший молодой господин ушел во внутреннюю комнату, Мо Ли обернулся и увидел, как второй молодой господин забирает картину.

Как только Мо Цзыхэн ушел, Мо Ли поспешил рассказать об этом своему господину.

Мо Цзыфэн сначала опешил, а потом наконец понял то, что не мог понять долгие годы! Оказывается, его картины попадали к тому человеку исключительно благодаря Мо Цзыюю. Напрасно он годами винил того человека, думая, что тот заставил его возлюбленного и брата отдать картины. Оказывается, всё было не так.

— Господин, второй молодой господин взял вашу картину, наверняка не на доброе дело, — Мо Ли думал, что скорее всего продаст её. В Императорском городе он так и делал, сейчас наверняка тоже собирается, только старший молодой господин не знал, или знал, но закрывал глаза.

Что делал с картинами раньше, Мо Цзыфэн бы сказал, что не знает, а после перерождения он четко знал: их продавали, и еще продавали тому, кого он раньше ненавидел. Мо Цзыфэн помнил, как много лет спустя Мо Цзыюй высокомерно сказал ему: «Кто виноват, что ты глупый? Эта слава и статус — мои, а ты так никогда ничего и не добьешься!»

<http://bllate.org/book/16672/1529102>